

ПРИРОДА

11 11

Специальный выпуск

**К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА**

В НОМЕРЕ:

4

Хроника: 1711–1765 (4)

Дмитриев И.С., Карпеев Э.П.

**Герой и мученик российского
Просвещения (11)**

Карпеев Э.П.

**Мир Михаила Васильевича
Ломоносова (21)**

Гутнов Д.А.

На полях биографии (30)

37

**«ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ УСТАНОВЛЯТЬ
ТЕОРИЮ, ЧРЕЗ ТЕОРИЮ ИСПРАВЛЯТЬ
НАБЛЮДЕНИЯ – ЕСТЬ ЛУЧШИЙ ИЗ ВСЕХ
СПОСОБ К ИЗЫСКАНИЮ ПРАВДЫ»**

Красникова О.А.

**Судьба картографических
проектов (38)**

Елисеева И.И., Иванова Е.А.

**Мысли о сбережении русского
народа (48)**

Лобас Т.В., Савченко М.М.

**«О купечестве, особенно
со внешними народами» (53)**

Русанов А.И.

**«Тяготильная жидкость» – миф
или реальность? (60)**

65

**«НЕТ СОМНЕНИЯ, ЧТО НАУКИ
НАУКАМ МНОГО ВЕСЬМА ВЗАИМНО
СПОСОБСТВУЮТ, КАК ФИЗИКА,
ХИМИИ, ФИЗИКЕ МАТЕМАТИКА,
ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ НАУКА
И ИСТОРИЯ СТИХОТВОРСТВУ»**

Из поэзии Ломоносова (66)

Александровская О.А.

**Прижизненные портреты
М.В.Ломоносова (72)**

Алексеева М.И.

«Полтавская баталия» (79)

81

**«Я ЗНАК БЕССМЕРТИЯ СЕБЕ
ВОЗДВИГНУЛ
ПРЕВЫШЕ ПИРАМИД И КРЕПЧЕ МЕДИ...»**

О чем писала «Природа»

Вальден П.И.

«Мой покой дух не знает» (82)

Рецензии

Орлов А.С.

Верный сын России (88)

В конце номера

Прутцков Г.В.

Живой Михайло Васильевич (91)

Бурштейн Е.Ф.

**200 лет спустя:
несостоявшиеся Ломоносовы (95)**

Из поэзии Ломоносова

Значение поэтического творчества М. В. Ломоносова для русского XVIII в. вполне сопоставимо с ролью поэзии А. С. Пушкина для XIX в. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» утверждал: «Бесспорных гениев, с бесспорным “новым словом” во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь». И действительно, стихи российского Пиндара (так называли Ломоносова его современники) — это «узловой» текст русской литературы XVIII в., явивший собой, с одной стороны, начало русской одической традиции, а с другой, — нового русского силлаботонического стиха. Ведь главный стихотворный размер всей русской поэзии XVIII—XX вв., о котором Пушкин в «Домике в Коломне» писал: «Четырестопный ямб мне надоел: / Им пишет всякий. Мальчикам в забаву / Пора б его оставить...» — впервые использовал именно Ломоносов в своей знаменитой «Оде на взятие Хотина» (1739).

Часто спорят о том, в какой области знания Ломоносов более всего проявил себя. Не вдаваясь в эти бессмысленные споры, отметим, что его поэзия стала той сферой, в которой, как в зеркале, отразилась вся многогранная деятельность величайшего русского энциклопедиста.

Стихи Ломоносова — это вовсе не только торжественные оды, посвященные императорам и императрицам, как иногда думают. Торжественные (похвальные) оды — это, конечно, сердцевина ломоносовской поэзии, хотя он писал произведения самых разных жанров: духовные оды, анакреонтическую лирику, сатиры, послания, оды гораццианские, малые лирические формы и многое другое. Приводимая ниже подборка стихов Ломоносова отчасти дает представление о жанровом разнообразии его поэтического творчества.

Ода блаженных памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключь молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стремится.
Лавровы выются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастильской очи.
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которыя хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити,
Седая пена вкруг шумит,

В пучине след его горит, —
К Российской силе так стремится,
Кругом объехав, тьмы Татар;
Скрывает небо конской пар!
Чтож в том? Стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грознаго бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрой ток на огонь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов здирает;
Но чтоб орлов здержать полет,

Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухия степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для щастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар
Быстро проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает лучь свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в Турецкий полк.
Иной, в последни видя зрю:
«Закрой, — кричит, — багряной вид
И купно с ним Магметов стыд,
Спустишь поспешно с солнцем к морю».

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь;
Небесная отверзлась дверь;
Над войском облак вдруг развился;
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны Россам стены?
И Персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к Готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь Его скакал,
Когда Он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом Его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас

Селима гордаго потряс,
Наполнил степь голов поганских.
Герою молвил тут Герой:

«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух нечует.

Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и мечь, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, трягнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
«Победа, Росская победа!»
Но враг, что от меча ушел,
Боишься собственного следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице зардевшись скрыла
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И Россов плеску отвечает;
Ярься волнами Турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу.
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тот час чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как Тигр на Росский полк скакал.
Но что? Внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.
<...>

Златой уже десницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет посту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов, —
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдатся власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютое збросили
И что на Турках тягота,
Которую от них носили;
И варварския руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам недала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп згорит,
Обставят Росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем

И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги,
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль Ея заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчаеб Фивы обвинили,
За тем что о победах сих
Ониб громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин.
Россия, как прекрасный крин,
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

<...>

Козацких поль заднестрской тать,
Разбит, прогнан, как прах, развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей, где покой насяен.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Ни где не знал плывя препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит,
Салдатску храбрость хвалит в ней.
И жизни часть блажит своей...
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит,
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

<...>

1739

Ода была написана во Фрейберге после получения известия о взятии русскими войсками 19 августа 1739 г. турецкой крепости Хотин. Известие об этой победе произвело огромное впечатление на Европу, где распространялись слухи об упадке военной мощи России после смерти Петра I. Текст оды был прислан Ломоносовым из Германии в Петербург вместе с «Письмом о правилах российского стихотворства» как образец практического применения новой силлабо-тонической системы стихосложения.

**Вечернее размышление
о Божием Величестве
при случае великаго
севернаго сияния**

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

Но гдеж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнцель ставит там свой трон?
Не льдистый мечут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью лучь?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных тучь
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы раждал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в ефир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажитеж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?

Несведом тварей вам конец?
Скажитеж, коль велик Творец?

1743

Стихотворение включено Ломоносовым в «Риторику» как иллюстрация умозаключения «Тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим». В «Слове о явлениях, от электрической силы происходящих», поэт сообщал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747 году напечатана, содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может».

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатной род препятством
небыл.

Чтоб внести в Италию стихи Еольски
И первому звенеть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром.

1744—1747

Перевод знаменитой тридцатой оды Горация (кн. 3), которую также перелagали Г. Р. Державин («Памятник»), А. С. Пушкин («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») и другие русские поэты.

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек
неспор.

Всего несноснее противные советы,
Упрямья слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Котораго жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, — спросил, —
утопшей следа.

Сосед советовал в низ берегом итти:
 Что быстрина туда должна ее снести.
 Но он ответственал: «Я, братец,
 признаваюсь,
 Что век она жила со мною вопреки:
 То истинно теперь о том не сомневаюсь,
 Что, потонув, она плыла против реки».

1744—1747

Вольный перевод басни Лафонтена «Утонувшая жена». Стихотворение приведено в «Риторике» как пример притчи (басни).

Ночною темнотою
 Покрылись небеса,
 Все люди для покою
 Сомкнули уж глаза.
 Внезапно постучался
 У двери Купидон,
 Приятной перервался
 В начале самом сон.
 «Кто так стучится смело?» —
 Со гневом я вскричал;
 «Согрей обмерзло тело, —
 Сквозь дверь он отвечал, —
 Чего ты устарился?
 Я — мальчик, чуть дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмок и весь дрожу».
 Тогда мне жалко стало,
 Я свечку засветил,
 Немедлиши ни мало,
 К себе его пустил.
 Увидел, что крилами
 Он машет за спиной,
 Колчан набит стрелами,
 Лук стянут тетивой.
 Жалея о нещастье,
 Огонь я разложил
 И при таком нещастье
 К камину посадил.
 Я теплыми руками
 Холодны руки мям,
 Я крылья и с кудрями
 До суха выжимал.
 Он чуть лиш ободрился:
 «Каков то, — молвил, — лук?
 В дожде, чать, повредился».
 И с словом стрелил вдруг.
 Тут грудь мою пронзила
 Преострая стрела
 И сильно уязвила,
 Как злобная пчела.
 Он громко засмеялся

И тот час заплясал:
 «Чего ты испугался? —
 С насмешкою сказал, —
 Мой лук еще годится:
 И цел, и с тетивой;
 Ты будешь век крушиться
 Отнынь, хозяин мой».

1744—1747

Анакреонтическое стихотворение, включенное Ломоносовым в «Риторику». Приобрело большую популярность и вошло в различные народные песенники второй половины XVIII — первой половины XIX вв.

**Ода на день восшествия
 на Всероссийский престол
 Ея Величества Государыни
 Императрицы Елисаветы Петровны
 1747 года** (Отрывок о Петре I)

Ужасный чудными делами
 Зиждитель мира искони
 Своими положил судьбами
 Себя прославить в наши дни;
 Послал в Россию Человека,
 Каков неслыхан был от века.
 Сквозь все препятства Он вознес
 Главу, победами венчанну,
 Россию, грубостью погранну,
 С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
 Свой меч в Петровых зря руках,
 И с трепетом Нептун чюдился.
 Взирая на Российский флаг.
 В стенах внезапно укрепленна
 И зданиями окруженна
 Сомненная Нева рекла:
 «Или я ныне позабылась
 И с онаго пути склонилась,
 Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
 Чрез горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему Монарху говоря:
 «Мы с крайним тщанием готовы
 Подать в Российском роде новы
 Чистейшаго ума плоды».
 Монарх к Себе их призывает;
 Уже Россия ожидает
 Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
 Бессмертия достойный Муж,

Блаженства нашего причина,
 К несносной скорби наших душ
 Завистливым отторжен роком,
 Нас в плаче погрузил глубоко!
 Внушив рыданий наших слух,
 Верьхи Парнасски восстенали,
 И Музы воплем провождали
 В небесну дверь пресветлый дух.

<...>

1747

Ода написана после того, как императрица Елизавета Петровна подписала новый устав Академии наук. С этим уставом Ломоносов связывал надежды на успешное развитие наук в России и улучшение положения ученых. В этой же оде он выступает как поборник мирной политики, так как в это время западные державы стремились втянуть Россию в войну на стороне Австрии, Англии и Голландии против Франции и Пруссии. Поэтому Ломоносов особенно настойчиво в начале стихотворения славит мир («возлюбленную тишину»). Ода 1747 г. получила широкое признание как одно из лучших поэтических произведений Ломоносова.

**Стихи, сочиненные на дороге
 в Петергоф, когда я в 1761 году
 ехал просить о подписании
 привилегии для Академии,
 быв много раз прежде за тем же**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
 Коль больше пред людьми ты щастьем
 одарен!
 Препровождаешь жизнь меж мягкою
 травую
 И наслаждаешься медвяною росую.
 Хотя у многих ты в глазах презренна
 тварь,
 Но в самой истинне ты перед нами царь:

Ты Ангел во плоти иль, лучше,
 ты безплотен!
 Ты скачешь и поешь, свободен,
 беззаботен;
 Что видишь, все твое; везде в своем дому;
 Не просишь ни о чем, не должен ни кому.

1761

Стихотворение является вольным переложением анакреонтического стихотворения «К цикаде».

Случились вместе два Астронома в пиру
 И спорили весьма между собой в жару.
 Один твердил: «Земля, вертясь,
 круг Солнца ходит»;
 Другой, что Солнце все с собой планеты
 водит.
 Один Коперник был, другой слыл
 Птоломей.
 Тут повар спор решил усмешкою своей.
 Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье
 знаешь?»

Скажи, как ты о сем сомненье
 рассуждаешь?»

Он дал такой ответ:

«Что в том Коперник прав,
 Я правду докажу, на Солнце не бывав.
 Кто видел простака из поваров такова,
 Который бы вертел очаг кругом жаркова?»

1761

Впервые напечатано в составе работы Ломоносова «Явление Венеры на Солнце». Стихотворение введено Ломоносовым в текст «Прибавления» к названной астрономической работе, которое посвящено вопросу о том, может ли гелиоцентрическое учение и идея о множественности обитаемых миров противоречить церковному учению.

© Публикацию подготовил
 кандидат филологических наук

Е.М.Матвеев

Институт лингвистических исследований РАН
 Санкт-Петербург